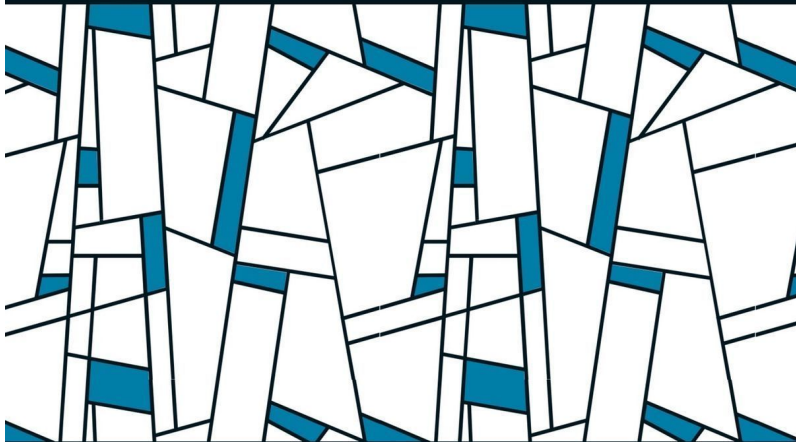

Сергей Курсиш

**ЗАПЛАТЫ
ЗАЗЕРКАЛЬЯ**

Сергей Курсиш

Заплаты Зазеркалья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30798270

ISBN 9785449050335

Аннотация

Книга не для каждого. Затронет струны, о которых Вы еще не знали, прочувствуются разные эмоции. Только сильные чувства и редкие эмоции могут дать импульс к движению, способному что то изменить в нашем мире. Все истории в этой книге были вчера, происходят сегодня, и, к сожалению, будут происходить завтра. История, касающаяся одного человека, перерастет в историю, касающуюся многих. Читатель разглядит в персонажах знакомых и друзей, а возможно и себя. И еще... сюжет не предскажет никто.

Заплаты Зазеркалья

Сергей Курсиш

© Сергей Курсиш, 2018

ISBN 978-5-4490-5033-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В самом начале моей книги

Хочу я всех предупредить:

Рассказ сей не простая сказка,

Он боль вам может причинить.

Помимо множества трагедий

Детоубийства есть там грех...

Поймете все, когда прочтете.

Да... эта книга не для всех.

*

Величие слов и рифмы чти.

Себя, в читатели зачти,

Меня, вниманием почти.

За труд напрасный не сочти,

Поэму ты мою прочти.

Не сомневаюсь я, почти,
Ты не раскаешься, учти.

**

Жизнь наша искрой пролетает
В пространстве меж добром и злом,
В извечном их противоборстве,
Мелькнет, чуть осветив излом.
И надо быстро разобраться,
Все очень трезво оценить,
Чтоб сторону занять у правды,
Душой под Божьим светом быть.
И, если даже заблудился,
Забредши в дьявольскую тьму,
Силы найти признать ошибку,
Вернуться к Богу своему.
Пусть будет голодно и трудно —
Воспринимать все, как урок,
Думать, трудиться и стараться,
И, несомненно, выйдет прок.
Не опускаться до обмана,
Не брать чужого никогда,
Чтоб ложь не шла волной по свету,
Ведь рядом с ней всегда беда.
Примером исцелять заблудших,

И выводить из тьмы на свет.
Терпение нужны и силы,
Подчас покажется, их нет...
За душу каждую бороться,
Не ждать награды от небес,
Тогда утратит свою силу,
Ищущий души жадный бес.
Чем больше душ спасем всем миром,
Тем меньше будет сил у тьмы,
Беды на свете станут меньше,
Быть может... жизнь, увидим мы.
Но многие про Бога вспомнят,
Лишь когда к ним придет беда,
Как от волшебника ждут чуда...
Бог в сердце должен быть всегда.
Не человек он, не волшебник,
Хоть чудны все дела его, —
Он весь наш Мир, его порядок,
И все мы в нем, до одного.
Способ один для всех есть в Мире
Горе не видеть, бед не знать:
Жить только по законам Божьим,
Не красть, не врать, не убивать.

В один обычный день февральский
Церковный служка брат Андрей
На воздух выйдет за дверь храма
Навстречу участи своей...

Зима на юге не сурова,
Недолговечен рыхлый снег,
С утра лежит, но солнце снова
В грязь превратит его в обед.

На голубом небесном фоне
Сияет купол, на нем крест
И льются звуки с колокольни
Над крышами домов окрест.

У храма кто-то покрестился
И поклонившись, внутрь вошел,
Людей внутри было немного,
Здесь каждый со своим пришел.

Чтобы поставить Богу свечку,
Его защиты попросить,
Для душ усопших – упокая,
Живым – во здравии чтоб быть.

Кто просит ладности с супругом,
Чтоб бросил пить и бросил бить,
Кто сил перед грехом соблазна
Пришел в который раз просить.

Собрав с подсвечников огарки
На переплавку их отнес.
– Может еще, что нужно сделать?
Задал он бабушке вопрос.

– Нет, сын мой, ничего не нужно.
Сказал ему отец Ефим.
– Певчих сестер хор соберется,
Может, что нужно будет им.

Андрей, уж месяц был при храме.
В жизни мирской скатившись вниз,
Уже летел куда-то в бездну,
Но вдруг на волоске повис.

Когда-то был Андрей студентом,

Был дом и мама, и отец,
Но очень быстро жизни ладной
Пришел негаданный конец.

В огромном городе учился,
Хотел врачом-хирургом стать,
Вначале шла учеба ровно,
Но было трудно успевать.

Родители вдвоем старались,
Хотя и были из простых,
Дабы помочь родному сыну,
Чтоб был не хуже остальных.

Огромный, модный, серый город,
Реки машин, скалы домов,
К себе мальчишку приручали
Дверь, приоткрыв в страну грехов.

Сосед по комнате с Андреем,
Был сын богатых, наркоман,
По жизни баловень ленивый
Легко идущий на обман.

Волей-неволей с ним общались,
Гуляли вместе иногда,

Андрей старательно учился,
Экзаменов пришла пора.

Пора всенощного зубрения,
Семестр, экзамены, зачет.
Проверка знания студента,
Всего, что пройдено учет.

Сосед однажды, придя поздно,
Андрея с книгами застал
И тот с опухшими глазами,
В дремоте носом вниз клевал.

– Есть средство, друг, чтоб быть бодрее.
На, если хочешь, испытай.
Здесь все сидят на них, смелее.
Давай, не бойся, принимай.

– Это наркотики, скажи мне?
– Да что ты, это ерунда!
Глотают жменями их в клубах,
Чтоб дергаться там до утра.

И взял Андрей эту таблетку,

Переступил через рубеж.
Еще не раз употреблял их,
Был очень бодр, но не свеж.

Сдал сессию почти отлично,
Дома каникулы провел,
Мать и отец были довольны
И мир гармонию обрел.

Вернулся, началась учеба.
Предметы, лекции весь день,
Все было ясно и понятно,
Но собиралась над ним тень.

С соседом стал плотней общаться,
Ходили в клуб на выходных,
Таблетки принимать стал чаще,
Был редким день теперь без них.

Танцы, веселье, эйфория,
Вино, доступный женский пол
Его тянули и манили,
Он с головою в них ушел.

Ушел он в это с головою,
Голову где-то потеряв

И начала страдать учеба
Из-за его хмельных забав.

Другую сессию сдал плохо,
Чем мать изрядно огорчил
И на каникулах был хмурый,
Места себе не находил.

Родители переживали:

– Что-то с Андрюшенькой не то...

– Вдруг из-за девушки страдает.

– Мне говорит, нет никого.

– Что-то случилось, а сыночек?

Он, улыбнувшись, промолчал.

Они ему руками машут

И вдаль плывет в окне вокзал.

Был даже рад встрече с соседом,

Вновь завертелась круговерть,

Тусовки, девочки, таблетки.

Когда учиться тут, успеть...

В один из дней сосед Андрея,

Привел его в «особый» круг.
Средство познать, куда сильнее,
Случай представился не вдруг.

– Давай, Андрей, хоть раз попробуй,
Ведь в жизни все нужно познать.
От одной дозы не подсядешь,
Иль мне отдай, всем наплевать.

Предчувствие безумной птицей
Забилось словно в клетке в нем.
Предстала мать перед глазами,
Что вечно молится о нем.

«Зачем все это мне, опомнись?!»
Заспорил кто-то с ним внутри.
«Я только раз, лишь познакомлюсь.
Все будет хорошо, смотри...»

«Ведь не естественно все это,
Пока не поздно, уходи!»
«Всего лишь раз, ради познания,
Один разок. Ну, не нуди...»

И дернул черт его склониться
Над зеркалом и порошком.

Ох, сколько раз себя увидит
Он в этом зеркале потом.

Вмиг изменились ощущения,
Но он чего-то больше ждал.
Утратив времени значенье,
В кругу «особом» он блистал.

Все жизни знанием делились
И говорили ни о чем,
Все были на вершине Мира,
Проблемы были нипочем.

Следующий день опять учеба.
Четыре пары, семинар,
Он чувствовал себя прекрасно,
Отсутствовал хмельной угар.

Но где-то в дальнем подсознании,
Его тянуло вновь познать
То неземное ощущение
И до конца его понять.

– Как самочувствие, коллега?

С улыбкой спрашивал сосед.

– Да все прекрасно, я в порядке,

А, ничего такого нет?

– Вообще-то нет, но взять не сложно,

Всего лишь нужно позвонить.

Но, это будет стоить денег.

Что, очень хочешь повторить?

– Не то что очень, но не против.

А ты что, нет?

– Ну почему? Я тоже «за», но денег мало.

– Да я найду. – Ну, я звоню.

Вновь в зеркале запорошенном

Себя увидел наш Андрей,

С силой вдохнув в себя кристаллы,

Ворвался в ночь пучком огней.

Волна невиданного счастья

Его к вершине вознесла

И откатившись, отпустила,

Он падал вниз словно звезда.

Опять в блаженной эйфории

Время нечитано прошло,

Угасли чуда ощущения,
Чувство обычное пришло.

И с каждым разом это чувство
Их начинало напрягать,
Хотелось, вновь одевши крылья
Над «темными» людьми летать.

Но порошок – болезнь богатых,
Не по карману нищете.
Возможность есть успеть привыкнуть
И жить с мечтою в маете.

Потом, чтоб экономить зелье,
Дело дошло и до шприцов...
Жизнь превратилась в вечный поиск,
Он стал на путь конца концов.

Ведь экономилось лишь зелье,
А человек скорей сгорал,
Эффект усилив многократно
Себя быстрее убивал.

И блеск от первых ощущений
Уже забылся им давно.
Упрямой силой его гнуло,

И ныло все его нутро.

Цилиндр шприца раствор заполнит,
Кристаллов сжиженных огнем
И туго поршень вверх отходит,
Пространство, открывая в нем.

Словно курок взведен теперь он,
В затворе доза залегла,
Кубы отмерены шкалою
И целит острием игла.

Трубопровод сожмет резинка
И в вену врежется игла,
Контроля каплю, поршень втянет,
Густую будто бы смола.

Ценой себя раствор подкрасив
В ней растворится без следа,
Подобно всем на тот путь ставшим
И сгнувшим в нем навсегда.

Жгут сброшен, палец жмет на поршень,
Игла заряд впускает в кровь,
Взлет с долгожданною волною,
В бездну паденье вновь и вновь.

И ломка каменной плитою
Сползет с чуть сгорбленной спины,
Слегка подрагивают пальцы,
Тошнит приятно, нет слюны.

Не хочется про завтра думать,
Про поиски и суету...
Полет во власти ощущений
Во мрак, во тьму и пустоту.

А завтра – бег по лабиринту,
Денег найти, купить, сварить,
Чтобы людьми побыть немного,
Чтоб мрамор ломки разломить.

В один из дней с пустым карманом,
Сосед идею предложил:
– Знаю я деда, ветерана,
С ним по соседству раньше жил.

Весь в орденах старый вояка,
Зачем они ему теперь
И, кому сбыть медальки знаю.

Все будет хорошо, поверь.

Хотя и знал, что это плохо,
Не все мозги ведь проколол,
Но было так невыносимо,
Что он на это все ж пошел.

Когда входил старик в квартиру
Они вломились вслед за ним,
Поставив кляп, связали деда
И взяли все, что нужно им.

Взять удалось немного денег,
Много медалей, ордена.
Их на войне давали редко,
Но была долгая война.

Пару колечек обручальных
В вазе еще нашел сосед,
Слезы текли из-под повязки,
Под звон реликвий плакал дед.

Он вспомнил вдруг, как эти кольца,
Со звоном в блюдечко легли,
В тот день, с женой, ныне покойной,
Семьей их в загсе нарекли.

И службу в полковой разведке,
И, как за линию ходил,
Сколько был ранен и контужен,
Сражаясь из последних сил.

Ковал, как все нашу победу,
Таскал для штаба языков,
Искал он точки огневые
Замаскированных врагов.

Помнил за что, он каждый орден,
Кем и когда дана медаль
Хоть многое уже забылось,
Светла та памятная даль.

И вот, в своем тылу он схвачен,
Своими же затоптан в грязь,
Жаль, силы нет, чтоб порвать путы,
В плен бы не брал он эту мразь.

На выходе спросил соседа:
– Может, развяжем старика?
– Да черт с ним. Отвечал коллега.
Не пропадет наверняка.

Уже на улице покоя
Андрею не давал старик,
Сосед был весел и улыбчив,
Андрей же головой поник.

И распрощались в переулке,
Один пошел сбывать добро,
Другой решил назад вернуться
«И будь что будет – все равно».

И вовремя он возвратился,
Старый солдат уж отходил,
С разбухшим кляпом задыхался,
Глаза к подлюбью закатил.

Все обучение медицине
Андрею пригодилось вдруг.
Вернул он старика обратно
Не малый, пережив испуг.

И убедившись, что тот в норме
Он без оглядки убежал.
Свое, разоблачив обличие
Он понимал, что рисковал.

Но на душе стало чуть легче,

Он знал, что сгнил не до конца,
Был рад, когда сменил румянец
Бледность солдатского лица.

Напарник вечером вернулся,
Сдав по дешевке ордена,
С Андреем дозой поделился
– Что такой мрачный, старина?

Кубов быть может тебе мало?
Нагнали дозу мы с тобой.
Солома есть, вари коллега,
Еще раз вмажусь я с тобой.

На маке провели неделю,
Не по карману героин,
Расширив в знаниях пробелы,
Пропуски ставят в журнал им.

Однажды столь дурную новость
Андрей от местного узнал:
«Дед ветеран, вояка старый
С инфарктом в клинику попал».

«– У моих предков мент знакомый,
Сказал: Важнее прочих дел
Найти налетчиков на деда.
Что поднят весь его отдел».

Везде есть он, – осведомитель,
Чтоб дальше преспокойно жить
Готов он все, что только можно
В личный покой, как в фонд вложить.

Клубок не хитрый, нервный опер
Распутал вскоре без труда,
Кто-то с медалью засветился,
Все слив, что знает, как всегда.

И вот, уже через неделю
С утра стучатся в двери им,
Смысл визита объясняют
Едва проснувшись двоим.

При обыске кольцо находят,
Что утаил хитрец сосед,
Шприцы и зеркало в разводах...
Да, отпираться, смысла нет.

Бескрайней воли светлый запах
Спертый дух клетки заменил,
Ломка, допросы, унижение,
Как в страшном сне он в этом был.

И лжи трусливого соседа
Он был совсем не удивлен,
Мол: «Это все Андрей придумал,
Я не в себе был, опьянен».

Узнали цену адвокатов,
Дом заложили в банк под долг,
И здесь не вышло без отката,
Чиновник за процент помог.

Платили операм и судьям,
Чтоб срок условный получить,
Очень помог старик-войка,
Что попросил его простить.

Не пожелал душе заблудшей
Душе-губительных оков,
Дед, Иванов Иван Иванович,
Тот обладатель орденов.

Так чудом избежал тюрьмы он,
Пришел домой побитым псом,
Но беды быстро не уходят,
Проблемы начались с отцом.

С тяжелой слег отец болезнью,
Лечили, где только могли,
На операцию решились
И увеличили долги.

Кредит, который взять не трудно,
Жизнь заставила их взять,
Проценты, как петля на шее
И очень трудно ее снять.

Он, как капкан придуман кем-то:
Раз, вовремя не заплатил,
Считай, что съел кусочек сыра
И механизм запустил.

На время стало отцу легче,
Дал с облегчением вздохнуть,
Но через год внезапно умер,
Под плачь, ушел в последний путь.

И мама в безутешном горе

Сама ходила не своя,
И он от страшного удара
Долго не мог прийти в себя.

А жизнь свое берет помалу,
Вдаль не пробиться без потерь,
Проблемы нажиты большие
И с ними жить нужно теперь.

Мама работала в больнице
При хирургии медсестрой,
Андрей весь год пахал на стройке,
Ведь был здоров и молодой.

Большой кредит с трудом платили,
А малый, на свой риск и страх,
То не могли, то забывали,
Он рос, как тесто на дрожжах.

Его платить сил не хватало,
Счета, платежки и пеня,
Петлю на горле им сжимали
Жизнь, осложнив день ото дня.

Бездушный женский голос банка,
Звонками долго доставал,
Решить вопросы по-другому
Он им прозрачно намекал.

Стали платить, но оказалось,
Что платят вспененный процент,
Подумав, на большом кредите
Посильный сделали акцент.

Коллекторам долги банк продал
И те взялись за них всерьез,
Звонили маме среди ночи,
Записки с текстами угроз...

Андрей, однажды взявши трубку
Круто с нахалом говорил
И отцепиться от них с мамой,
Как показалось, убедил.

Но это только показалось,
Средь ночи загорелся дом,
Его сосед, рискуя, вынес,
А мать так и осталась в нем.

Едва Андрея откачали,

За малым он не угорел,
Стал рваться в зарево пожара,
Маму свою спасти хотел.

Кричал он, падая в безумстве,
В огне сгорала его часть,
Глаза, читающие мысли,
Оплот, что не давал упасть.

Сгорало материно сердце,
Что билось лишь ради него,
А кто любить может, как мама,
Нет в целом Мире никого.

Те руки, что с рожденья помнил,
Добрее и теплей, их нет...
Сидел он возле пепелища,
А в небе расцветал рассвет.

И осветило солнце угли,
Жизни, теперь уже былой.
...Был под родительской опекой
И с кровлею над головой.

Вмиг стал он круглым сиротою
И без кола и без двора,

Познать вкус жизни за чертою
Настала для него пора.

Пожар случайностью признали,
В оплошности их обвинив,
А то, что маме угрожали —
«Не доказуемый мотив».

Банк завладел тем, что осталось,
Участком небольшим земли,
Андрея же без документов
Везде пинали, как могли.

Чтоб справку взять для новой справки,
Нужно еще две принести.
От тяжбы этой нескончаемой
Андрея начало трясти.

Дав уголок ему в сарае,
На время приютил сосед,
С ним вечерами выпивали,
Чтоб не сойти с ума от бед.

Перечень разных документов

И с голограммой и без
Был, как скалистая вершина
К которой он упрямо лез.

Но где-то, не дойдя немного
Андрей сорвался с высоты,
Упав на дно во мрак запоя
Прочь от проблем и суеты.

Дешевой брагой обезболив
Страшного горя злую боль...
У хлебосольного соседа
Кончался хлеб, – осталась соль.

Жена его, на пару с тещей,
В психушку вскоре упекла,
Андрея же, взашей погнали,
Жизнь в новом русле потекла.

Брел он чудовищем косматым
По улицам бог-весть куда
И голод обострял инстинкты,
Ему мерещилась еда.

В толпе вокзальной, у столовых
Он пропитание искал,
Агрессию от конкурентов
Не раз на шкуре испытал.

Ночи в заброшенных подвалах
И в паутине чердаков
Сменяли дни в миру хождения,
Ведь бытия закон таков.

Монету кто-то даст бродяге,
Объедков кинет общепит,
Блеснет в глазах надежда счастья,
Бродяга счастлив, если сыт.

Но воровать, кого-то грабить
Мысль ни разу не пришла,
Покорно нес он свое бремя,
Доброй душа его была.

Средь голубиноного помета,
Забившись в угол чердака,
Был на седьмом небе от счастья
От половинки пирожка.

Не в силах справиться с течением

Он щепкой плыл куда-то в нем,
А жизнь законов не меняла,
Все также ночь сменялась днем.

За летом наступила осень,
Добавилось ему проблем,
Кончался год, к зиме шло дело,
А он был не готов совсем.

Пальто на свалке обнаружил,
С прожженной дыркой на спине,
Виды, выдавшие ботинки
И был находкам рад вполне.

Дни пеленою проплывали:
Урвать кусок, залечь в норе,
Завидовал он псам дворовым
С пайком и в теплой конуре.

Холод загнал на теплотрассу.
Зима по графику пришла,
Ему подобных было много
Теплом спасающих тела.

Словно огромный бур железный
Со дна весь ил и грязь поднял
И в одно место эти сливки,
Пугая холодом, согнал.

Коль все же это были люди,
Им сбиться в общество пришлось,
Где есть элита и законы
И здесь без них не обошлось...

В иерархии этой мудреной
Он занял самый низший пост
И был обязан всем делиться,
Древний закон суров и прост:

Все, что добудет, он был должен
С элитой местною делить
И лучше даже не пытаться
Любую мелочь утаить.

Закона местного машина
Могла жестоко наказать:
К теплу подход может закрыться,
А могут долго избивать.

Взамен из многих соц-гарантий

Претендовать он мог на две:
Короб из толстого картона,
Заветный метр на трубе.

Любого общества элита
Сочтет счастливой ту судьбу,
Которая дает возможность
Им контролировать трубу.

Были и бонусы, стараясь
Их можно было получать:
Из целлофана дадут полог
И в очередь позволят стать.

В том обществе немного женщин,
Верней подобия от них,
Давали их только достойным,
Чтоб был мотив для остальных.

Привязанность не поощрялась.
Чтоб понапрасну не страдать,
Когда объект тепла и страсти
Наутро должен ты отдать.

Тех, кто похож на женщин больше,
Боссы держали при себе,

А те гордились этим очень
И не противились судьбе.

Мечтали многие на волю,
Уйти когда придет весна,
Но приживаясь, оставались,
Весна ведь не для всех красна.

Модель обычная, людская,
Искажена под призмой дна:
Хоть много бедняков среди нищих
Элита все же быть должна.

И в круговой этой поруке
Законов дна не поменять,
Метром трубы, своей коробкой
Никто не хочет рисковать.

Так пол зимы уже прожил он,
Был целлофан над головой
И Зину с синяком под глазом
Он приводил под полог свой.

Однажды счастье улыбнулось,

Стоял у церкви он тогда,
Услышал Бог его молитвы,
Зажглась счастливая звезда.

Звон колокольный разливался,
Блестели храма купола,
Женщина взгляд свой задержала,
Купюру молча подала.

С самым высоким номиналом,
Таких давно не видел он,
Дар речи, потеряв на время,
Лишь молча сделал ей поклон.

И запах женщины забытый
Забитым носом уловил,
Цветами дивными запахло,
Запах ее с ума сводил.

А женщина была красива,
Не молода и не стара,
Бутоном с годами ставший розой,
Цветенья крайняя пора.

Глаза смотрели неотрывно
И губы шевельнулись вдруг,

Он вышел из оцепененья
Невольный пережив испуг.

Заговорила с ним особа,
Все наяву, это не сон!
И голос нежный, как из сказки
Сквозь колокольный лился звон.

– Ты так похож на человека
Оставившего этот свет,
Он смыслом был всей моей жизни,
Теперь его и смысла нет.

Помойся, подстригись, побрейся,
Хочу я на тебя взглянуть.
Быть может Бог в твоём обличии
Хоть образ мне решил вернуть.

Сюда опять приду я завтра,
Чтобы увидеть вновь тебя,
Надеюсь, не пропьешь ты деньги,
Да правильно поймешь меня.

И зашагала быстро дальше,
А он контуженный стоял,
В реальность случая, не веря,

Купюру в кулаке сжимал.

«Сначала надо сходить в баню...»,
Но так хотелось ему есть,
Что он отправился на рынок,
Купив еды, решил присесть.

Чтобы поесть – нужно работать,
Чтоб мочь работать – нужно есть,
Дает возможность этот цикл
Осознавать себя: «Я есть».

Нашел укромное местечко
Чуть отошедши за забор,
Коллег по цеху не заметив,
Их злобный и завистный взор.

До слез был мяса вкус приятен,
С картошкой в теле пирожка
И молоко с ума сводило,
Он даже переел слегка.

Встал, собираясь идти мыться.
Поздно беду почувял он...

Был представителем элиты,
Нищей пехотой окружен.

Избили, отобрали деньги,
На теплотрассу отвели,
Там снова били, унижали
И не давали встать с земли.

В том обществе на теплотрассе
Тоже имелось свое дно,
Клочок земли рядом с трубой
Для тех, кому уж, все равно.

Отбросами они считались,
Как черви спутались в клубок,
Что среди них лежать он будет
В ужасном сне лишь видеть мог.

Тяжелый запах аммиака,
Давно не мытых, серых тел
Его в себя прийти заставил,
Он тут же вырвал все, что ел.

Средь них на холоде очнулся
И понял, что он на дне дна,
С трудом побрел ногой хромая,

А в мыслях только лишь она.

Из церкви вышла та же дама,
Перекрестившись вдаль пошла,
Средь многих лиц одно искала,
Но так его и не нашла.

Вернулась и прошла обратно,
Стояла скромно в стороне,
Губы дрожащие шептали:
– Прости родной, так плохо мне.

Оставил ты меня одну здесь,
А сам летаешь в небесах,
Твой взгляд вчера я разглядела
В бродяги бедного глазах.

Прости, за то, что показалось,
Сама уже я не своя,
Нет облегчения в молитве,
Быть с тобой рядом хочу я.

Пошла вперед не обернувшись
Словно в тоннеле напрямик,

А на другом конце аллеи
Андрей фигуркою возник.

Он еле шел ногой хромая
По следу призрачной судьбы,
Бога молил, чтоб обернулась,
Но не услышал он мольбы.

Так и исчез в конце аллеи
Печальной дамы силуэт,
Андрей присел к забору храма.
Идти, кричать, уж силы нет.

Назад на трассу возвращаться
Он ни в какую не хотел,
Хоть ночью тут он мог замерзнуть,
«Ну что ж, таков, знать мой удел».

Погас последний луч надежды
Когда исчез тот силуэт
И жить не хочется, как прежде,
Ни воли, ни желанья нет.

Так и сидел он под забором

Вплывая в мыслимую даль,
А черное сукно земное,
Белым покрыла снега шаль.

Устав смертельно от событий
За сутки, что он пережил,
Забывшись в дремоте желанной
Он медленно глаза закрыл.

Важный инстинкт самохранения
Словно прибор был отключен,
Мысли несли его в былое,
Он весь был ими увлечен.

Светлые лики его близких
Мелькали искрами во мгле
И он пытался разглядеть их,
Или представить их себе.

Темно, безлюдною аллея
У церкви стала уж давно,
Андрей был к жизни безразличен
И жизни было все равно.

Холод своим новокаином
Боль от побоев растворил,

Лицо, как будто улыбалось,
Ресницы снег ему слепил.

Легкий мороз, немного снега
Ему давали выжить шанс,
Но только вот, тот шанс заветный
Нужно использовать сейчас.

Но он его не замечает,
Витает где-то в облаках,
А тело тихо остывает,
Не тает снег уж на руках.

В глубинах памятных коснулся
Своей дрожащею рукой
Тепла родительской опеки
Под кровлею над головой.

Но сердце не забилося чаще,
Холод добрался до груди.
Застыть и в мысли воплотиться
Лишь перспектива впереди.

Калитка церкви затворилась

Ржавыми петлями скрипя,
Фигура храму поклонилась
Знамением, освятив себя.

Снежинки рясой подметая
Сверху которой пуховик,
Хрустя подошвами по снегу,
Пошла от церкви напрямик.

Весь божий день, служивши Богу
До дому шел отец Ефим,
Вел службу своему приходу,
Святым отцом являясь им.

Любили люди его службы,
Ходили все, и стар и млад.
Мог выслушать отец любого,
Помочь посильно был всем рад.

О дне грядущем шел и думал,
Ведь жизнь в миру не без проблем,
Печально на душе и горько,
Когда помочь не можешь всем.

Замедлил шаг и обернулся
Взгляд, устремивши на забор,

Белого ангела фигурку
Во мраке будто видит взор.

Казалось, ангелок крылатый
Склонивши голову, стоит.
Вглядевшись лучше, сразу понял,
Что это человек сидит.

Снегом совсем запорошенный.
«Похоже здесь уже давно,
Свой путь закончить под забором,
Видно бедняге суждено».

Быстро приблизился: «Холодный».
Но пульс, хоть слабый еще был,
Долго не думая на плечи
Он тело легкое взвалил.

Опять калитка проскрипела,
В светелке вспыхнуло окно,
Теплый кагор и растирание
И сердце нужный ритм взяло.

Забилось снова с прежней силой
По телу прогоняя кровь,
Теплом и силой наполняя

И к жизни возвращая вновь.

Три дня выхаживал Андрея,
Растирки, молоко и мед,
Был парень слаб, застыл не слабо
Боялся очень, что умрет.

Но молодость большая сила,
От смерти ускользнула все ж,
Гусиный жир, чайк с малиной
И стал он на себя похож.

Бульон куриный, апельсины
В келью отец ему носил,
Румянец щек его коснулся,
Взгляд о здоровье возвестил.

Трудом и долгою молитвой
Ефим, Андрея отстоял,
Пока старуха зазевалась,
У смерти он его украл.

Часто с Ефимом вечерами
Беседы долгие вели,

Отец, узнав все про Андрея
Сказал, что: – Бесы довели.

Так и остался он при церкви,
Где нужно что-то, – помогал,
Почистить двор, помыть ли окна,
Так и церковным служкой стал.

Жил с удовольствием в той келье,
Куда принес его Ефим,
Был очень скромн и отзывчив
И все довольны были им.

И он был очень всем доволен,
В келье был стол, была кровать,
Где он, привыкший уж к коробке,
Как человек мог вволю спать.

И видеть мир через оконце,
Питаться скромно, но всегда,
Быть нужным и полезным людям
И жить под кровом в холода.

На отражение в окошке
Часто подолгу он смотрел,
Видя себя в ином обличии

И счастьем верить не хотел.

Забылись запахи и страхи
С которыми он жил на дне
И целовал он Богоматерь,
Лики святых, что на стене.

Все ему было интересно,
Он познавал церковный быт
И засыпал он помолившись,
За то, что был в тепле и сыт.

Молился и за папу с мамой,
У них прощения просил,
Ведь он, поддавшийся соблазнам
Всю жизнь их под откос пустил.

Родители ему приснились
В святую ночь под Рождество,
По голове его погладив,
Сказали: «Рады за него».

Проснулся весь в слезах, счастливый,
Знал, что прощенье получил,
Решил служить до гроба Богу,
Творить добро сколь хватит сил.

...Дверь приоткрыв, вышел из храма,
Решил по дворику пройтись,
Поклон отбил, перекрестился,
Взгляд, устремив куда-то ввысь.

Бескрайний, синий купол неба
Чернило множество ворон
Ведущих себя как-то странно,
Стал наблюдать за ними он.

Птицы кричали и клубились
Словно живой водоворот,
Вокруг одной носились с криком,
Удар и снова разворот.

И бедолага уклоняясь,
Пыталась вырваться от них,
Но те ее не выпускали
Из-под опеки ни на миг.

Теряя высоту и силы,
Буд-то хромая на крыло
Птица отчаянно боролась,

Но ей упорно не везло.

Вдруг, улучив момент заветный
Она рванула на прорыв,
Крича и хлопая крылами
В синий просвет взор устремив.

А общество гналось за нею
Меж крон деревьев вниз и вверх,
Сильны усталость и побои,
Ей не сопутствует успех.

Андрей себя на дне вдруг вспомнил
И с птицей той отождествил,
Противный запах аммиака
Буд-то бы носом уловил.

Вспомнил, как всеми был отвергнут
И, как был обществом избит,
Сверкнул во мгле самосознания
Пронесшийся метеорит.

Влево и вправо уклоняясь,
Птица то вверх, то вниз неслась
И с громким криком возбужденья
Вся тьма ворон за ней гналась.

И загоняемая стаей,
Крест зацепила вдруг крылом,
Словно споткнувшись обо что-то,
Вниз полетела кувырком.

Тут же шарахнулись собратья
И начали вокруг кружить,
На землю сесть намеревались,
Клювами дело довершить.

А птица, стучаясь о ветки,
Упала черной точкой в снег,
Глаз у нее блестел, как жемчуг,
В нем отражался человек.

Склонившись прямо над несчастной
С одним желанием: «помочь»,
Застыл над ней он на мгновение
Не в силах ступор превозмочь.

На вид, обычная ворона,
Затрепетало сердце вдруг,
Так близко их не видел раньше,

Душой почувствовал испуг.

Зеркально-черный бархат перьев
Мощное тело покрывал,
И острый клюв, чуть приоткрытый
Красный язык в себе скрывал.

Лапы с когтями в грубой коже,
Подобны пальцам Сатаны,
Глаза на бусинки похожи,
Так же, как камень холодны.

Присутствие нечистой силы
Он стал вдруг кожей ощущать,
Ему хотелось удалиться,
Он поспешил быстрее встать.

И глядя вниз с ветвей, притихло
Все остальное воронье,
Десятки глаз глядят на жертву,
Почти ясна судьба ее.

А та, крылом пошевелила
От боли увлажнив глаза,
Веко смахнуло что-то с глаза,
Блеснула под лучом слеза.

Только собрался шаг он сделать,
Чтобы уйти оттуда прочь,
Еще раз глянул в глаза птице,
Глаза молящие помочь.

И все списав на предрассудки
Он в свои руки ее взял,
В теплых ладонях заключая,
В родную келью зашагал.

Спасенная лежала тихо
В теплых руках глаза закрыв,
Предчувствия его былые
Враз притупил добра порыв.

Не мог Андрей ее оставить
В снегу с пораненным крылом,
Хотя, желание убраться,
Столь явно пробуждалось в нем.

Не так давно спасли Андрея
И мимо он не смог пройти,
Ведь стая птицу бы убила,
Не попадись он на пути.

Крыло пораненное к телу
Он плотно тряпкой привязал,
А ворон не сопротивлялся,
Буд-то бы смысл понимал.

Ящик от фруктов из пластмассы
Ветошью гостью застелил,
Кусочек хлеба положил там
И в блюдечко воды налил.

Для птицы кров приготавливая,
В слух разговаривал Андрей:
«Ты не снимай с крыла повязку,
С ней ты поправишься скорей».

Ворон смотрел спокойным взглядом,
Буд-то слова все понимал,
Клюв опускал к груди и снова,
Взгляд на Андрея поднимал.

На миг Андрею показалось,
Что ворон вроде бы кивал
И благодарность за спасение
Ему вот так вот выражал.

Встряхнувшись и перекрестившись
Андрей те мысли отгонял,
Но то, что ворон необычный
С первых минут как будто знал.

Ведь его что-то напрягало,
Звало убраться за порог,
Душа пред птицей трепетала,
А он понять ее не мог.

Выйдя из кельи, шел он к храму,
Узнать там, нет ли каких дел
И всей душой почувял легкость,
Словно на крыльях он летел.

Дел оказалось ни так много,
Но возвращаться не спешил,
В себе пытался разобраться,
На предрассудки все грешил.

Лишь с темнотой он в дом вернулся,
На месте ворона застал,
Выключил свет, зажег лучину,

Святым молиться тихо стал.

Тут гость, как будто мирно спавший,
Пошевелился вдруг слегка
В черных глазах его плясали
Одной свечи два огонька.

Смотрел он, как бы с интересом
На весь Андрея ритуал,
А свет свечи боролся с мглюю
И с тенью на стене плясал.

В том представлении светотени,
Что заплясало на стене,
В черном плаще чью-то фигуру
Андрей смог различить вполне.

Как человек с огромным носом
Опершись на забор стоял.
Задув свечу и свет включивши
Он представление прервал.

И легкий холодок на коже
Андрей реально ощущал,
Мысли звенели, как сирена,
Он за мгновение устал.

Ворон присел, забился в угол,
Глаза блестящие закрыл,
Андрей же, завершив молитву,
Лежал и света не гасил.

Рано проснулся он одетый,
Свет лампы растворил свет дня,
Ворон сидел на дне коробки
Глазами умными глядя.

Водой холодной умылся,
Что в умывальнике была,
Став на колени, помолился
Во имя мира и добра.

Покушать плотно не хотелось,
Пил молоко и хлеб вкушал,
На мир смотрел через окошко,
С улыбкой новый день встречал.

Вышел во двор еще пустынный
И стал Ефима поджидать.
Там во дворе дышалось легче,

Лишь это точно мог понять.

Обычный день, один из многих,
Он был везде, где нужен был,
Но чувство странное тревоги
Весь этот день в себе носил.

Вот день прошел в трудах привычных,
Нехотя к дому он пошел
И к удивлению с облегчением
Гостя он в доме не нашел.

Лежала в ящике повязка,
Не тронут, был и хлеб с водой,
Искал его везде по дому
И тихо спорил сам с собой.

Один внутри был рад пропаже,
Другой, стыда познал печаль
За дрожь душевную пред птицей,
Ведь никому не жаль.

Стыд был за то, что колебался,
Птице страдающей помочь

И, что понадобилась воля,
Чтоб страх душевный превозмочь.

Нигде ее не обнаружив
Он сел задумчив у окна,
Увидел форточку открытой.
«Она закрыта ведь была!»

«Может средь дня зашел кто в келью
И птицу чем-то напугал?»
Сидел себе под ноги глядя
И о пропаже размышлял.

И вдруг, перо нащупал взглядом,
Что на пол ворон обронил,
Будто бы часть себя оставил,
Чтобы Андрей ее хранил.

Иссини черный цвет особый
Взгляд завораживал собой.
Андрей взял в руки знак от птицы,
Птицы какой-то непростой.

Зеркально-черным отливая,
Перо в ладони залегло,
Он понял: «С птицей все в порядке»

И от души вдруг отлегло.

В обыденности дни поплыли,
Весну открыл всем календарь,
Но все ему не доверяли,
Портки храня, как деды в старь.

И дни Андрея шли обычно,
Церковный быт, молитвы, труд.
Теперь он жизнью был обласкан,
Всего лишь сыт, одет, обут.

Все время, что он был при храме
Одно лицо средь всех искал,
Но яркий образ милой дамы
Не появлялся, как пропал.

Спросил он как то у Ефима,
Про эту даму пристыдясь.
Отец его не сразу понял
И выслушал не торопясь.

Андрей про случай с ней поведал,
Когда на паперти стоял.

– Та дама сына потеряла.
Тихо Ефим ему сказал.

На миг Андрею показалось,
Нежнее голос его стал,
Вздохнул он, как то с грустью глядя,
Было похоже, что устал.

– Машина сбила ее парня,
Единственным ребенком был,
Так рано умиротворился
И горем мать свою убил.

Сюда ходила чуть живая
Молитвой душу облегчить...
Знак Божий, что ты о ней вспомнил,
Ее нам надо навестить.

Решили это сделать завтра
И распрощались до утра.
Свет дня унесся вслед за солнцем,
Настала сумрака пора.

Пришел к себе, сел у окошка

И вдруг, про птицу вспомнил он,
Перо взял в руки машинально,
Которым был вознагражден.

Словно на память в благодарность
Перо то ворон обронил,
Пред тем, как его дом покинуть,
Оживши и набравшись сил.

Перо лежало у окошка
С тех пор, как он его поднял
И всю прошедшую неделю
Про птицу он не вспоминал.

А тут, держа его в ладони
Душой вновь трепет ощутил,
Боялся сам себе признаться,
Что ворон необычен был.

И застыдившись дум нечистых,
Он с силой отшвырнул перо,
А то, крутнувшись, полетело
И прилетело на окно.

Глазам своим Андрей не верил.
«Так только ветер сделать мог».

Но в комнате было затишье,
Свечи не дрогнул огонек.

И неосознанным движеньем
Он оказался у окна,
Смотрел в упор на очевидность
К стеклу прилипшего пера.

Но вдруг, оно само отпало,
Легло, как раньше под окно,
А он смотрел и трогал пальцем
Сухое, чистое стекло.

Смотрел и током был ударен,
Напрягшись в судороге застыл.
Очень знакомую фигуру
Взгляд за окошком уловил.

Там в сером сумраке вечернем
Стоял, опершись на забор,
Тот человек с огромным носом,
На келью устремив свой взор.

Одетый в черный плащ до пола,
Стоял пугающе велик.
Он эпизодом светотени

В Андрея памяти возник.

Когда молился он при свечке,
Точно такую видел тень
И стало вдруг Андрею жутко,
И ясно все, как божий день.

В вечерней мгле он глаз не видел,
Но кожей ощущал их взгляд,
Так и стоял в оконце глядя
Минуту целую подряд.

Тут сердце молодости смелой
Толкнуло сделать шаг вперед,
Все тело словно онемело,
Глазами видел, что идет.

Схватил перо, в карман засунул,
Даже не зная сам, зачем.
Кто-то другой владел как будто,
И им, и телом его всем.

Петлями скрипнула калитка,
Вышел за храмовый предел
Фигуру ту, что в плащ одета,
Вдаль уходящей разглядел.

Душа звала остановиться,
Но ноги, словно сами шли.
«У тела был еще хозяин».
Мысли на ум ему пришли.

Что-то звало идти за следом
Фигуры уходившей прочь,
Душа в волнении трепетала,
Но, как себя ей превозмочь?

Он верил: «Будет все нормально,
С ним не случится ничего».
Другой же в нем немел от страха
И отговаривал его.

Столь сильно было раздвоенье,
Столь явно ощущалось им,
Осознавал себя он третьим,
Словно чужим этим двоим.

Фигура плавно удалялась,
Вплывая в серый полумрак,
Андрей упрямо шел по следу,
С собой борясь за каждый шаг.

С детства манили его тайны,
Секреты из закрытых тем,
Хотя и было жутковато,
Но любопытно между тем.

Железную прошли дорогу,
С диким кустарником пустырь,
Чтобы Андрей его мог видеть,
Шаг чуть замедлил поводыр.

Смеркалось быстро и округу
Темень собой заволокла,
Кой-где Луны свет отражали
Осколки битого стекла.

Где-то вдали фатальным стоном
Завыл цепной дворовый пес,
От тяжести оков на шее,
От службы, что так долго нес.

Вдали на фоне горизонта
Башня напорная видна,
С давних времен давила воду
И была городу нужна.

Теперь же с ржавчиной и хлоркой
Ее сменил водоканал,
Высокие, как эта башня
Тарифы для людей нагнал.

Башня стоит, как старый замок
Уже сто сорок восемь лет,
В детстве увидев эту башню
Он верил, что в ней есть секрет.

Стоит словно пример, как строить
Умели люди в те года,
Не то, что нынче новостройки,
На годы, но не навсегда.

На фоне этой старой башни,
Вдруг растворился силуэт.
Напряг глаза и шаг ускорил,
Но тщетно – результата нет.

Один стоял Андрей у входа
И озирался словно вор,
На цыпочках к двери подкрался

И стал рассматривать в упор.

Вдруг еле различимый уху,
Он скрип ступеней уловил,
Нажал на дверь и запах времени
Мгновенно носом ощутил.

В окошки лестничных пролетов
Луны прокрался бледный свет.
Глаза свыкались с темнотою,
Вопросов – тьма, ответов – нет.

Плесени запах, паутина
Напоминали о былом,
Жизни периоде ужасном,
О шансе выпавшем втором.

Шаги таинственной фигуры
Скрип древесины выдавал,
Андрей, шагнувши на ступеньку
Задумавшись на месте стал.

Внутри все круто изменилось,
Второй молчал, он был один,
Поспорить было теперь не с кем,
Был сам себе он господин.

Страх с прежней силой ощущался,
Мрачной таинственности жуть,
Но нет греха в его поступках,
Есть любопытство понять суть.

Шаги, все выше удаляясь
Вскоре затихли на верхах.
Андрей стоял, на шаг решаясь
С дрожью нервной в руках.

«Еще не поздно развернуться,
Уйти, ни чем не рисковать,
Но будет ли, еще возможность
Нечто подобное узнать».

И ущипнув себя за ухо,
Уверившись: «Это не сон!»
Жаждой узнать страх пересилив,
Шаг в неизвестность сделал он.

Скрипели крепкие ступени
Лестницы старой винтовой,
Шел неизвестности навстречу
Сам господин и сам не свой.

За свою жизнь и за здоровье
Боялся он не меньше всех,
Гораздо больше он страшился
Не сотворить деянием грех.

Путь вверх, столь долгим показался,
Успел подумать обо всем,
Но вот, закончились ступени,
Был перед ним дверной проем.

Шагнул, не мешкая вперед он,
Неслышно отворилась дверь,
Порог подобный Рубикону,
Вперед дорога лишь теперь.

Почувствовал, что дверь закрылась,
Но был уже не удивлен,
Он был во власти атмосферы,
Которой преисполнен дом.

Внутри все было необычно,
Вся планировка, интерьер,
В сказке, в истории античной
Подобный мог найтись пример.

В ажурных, красно-древых рамах
Блистало множество зеркал
Висящих и стоящих всюду,
И в форме круга был весь зал.

Подобно трону в центре зала,
Кресла и ложа совокупность,
Изрезала узором древо
Чья-то расчетливая мудрость.

Пол, потолок, равно как стену
Добротный бархат покрывал,
Всего два цвета: черный, красный,
Какой-то чуть преобладал.

А может это лишь казалось,
Был равен перед цветом цвет,
Все вызывало в нем вопросы
И ни на что ответов нет.

Изящно вместе сочетаясь,
Сплетаясь в хитростный узор,
Плавно в пространстве расплывались
Обману подвергая взор.

Казалось, что цвета на стенке,
Будто по воздуху плывут,
Вглядишься в точку, – «показалось,
Плывут, но дальше, а не тут...»

И всевозможные картины
Вдруг представлялись в голове,
Настолько много говорящих,
Что вы не верили себе.

Чуть только взгляд к чему привяжешь,
В дело вступали зеркала,
Тысячекратно все размножив
В поисках пятого угла.

Огонь свечи или камина
Где-то во всем этом плясал,
Андрея словно поразило,
Шатаясь, он на месте стал.

Кресло скрывало всю фигуру,
Стоя к входящему спиной.
Видны были только предплечья
И подлокотник под рукой.

Увидел кисть руки и вздрогнул,
Огромный перстень взгляд привлек
На нем увенчанный короной
Камень чернел, как уголек.

Вздрогнул отнюдь он не от перстня,
От вида пальцев была дрожь,
Толстый сустав, тонка фаланга,
Вид был с вороньей лапой схож.

Был виден длинный, острый ноготь,
Загнутый к низу, как дуга,
Напоминал он птичий коготь,
Черный, как в саже кочерга.

А кожа с темно-серым цветом,
Как чешуя была груба,
Одно понятно было точно:
«Рука не божьего раба».

– Приветствую тебя, раб божий.
Вдруг властный голос прозвучал,
Андрей лица пока не видел

Все длинный волос закрывал.

Не обессудь, что я спиною
Тебя встречаю у себя,
Чуть позже я лицо открою,
Так будет лучше для тебя.

Когда я выхожу из птицы
И вам подобен становлюсь,
Руки последними отходят,
Я сам себя подчас боюсь.

Зови меня, как пожелаешь,
Не опасаясь, не стыдясь.
Так вышло, что я против Бога,
И темной силе всей я князь.

– Что ж, здравствуй ворон мной спасенный.
Да, любопытство все же грех,
Если бы слушал божью душу,
Не был бы здесь один из всех.

– Да, из всех смертных ты тут первый,
Но не пугайся, – будешь жить.
Я дал сюда прийти возможность,
Чтоб за спасенье отплатить.

Много веков я над землею,
С тех пор, как с неба изгнан был
И жизнь ангела с поры той
Борьбе с добром я посветил.

Добро, оно хоть и прекрасно,
Раньше творил его не раз,
Несет в себе тот свет от Бога,
Который для меня погас.

Сейчас все расскажу понятней,
Ты ведь, надеюсь, не спешишь?
Дыши поглубже, вряд ли внятно
Ты все поймешь, когда дрожишь.

Андрею было очень страшно,
Но в руки себя все же взял,
Реальность сном ему казалась,
Душою светлой трепетал.

– Там у стены увидишь кресло,
Присядь, в ногах ведь правды нет,
А я общаться с тобой буду,
На что-то, может дам ответ.

Андрей, напрягшись, пошел к стенке
Блик от огня рассеял тьму
Стал различать на общем фоне,
То, что предложено ему.

Шикарное стояло кресло
Из ценных дерева пород,
Фигур причудливых узоры
На нем водили хоровод.

С ним рядом был изящный столик,
Стояли яства на столе,
Халва и мармелад, орешки,
Темнела жидкость в хрустале.

– Там угощайся, чем захочешь,
Все сладкое, как сам люблю,
Когда в людской вхожу я образ,
Пред сладким лишь не устою.

Сейчас жевать едва ли смог бы,
От страха ссохлось все во рту,
Но что-то выпить было кстати,
Умерить мыслей чехарду.

Бокал в серебряной оправе,

Наполнил чем-то красным он.
На кровь была похожа жидкость
И он бы был не удивлен.

Но оказалось: сок граната,
С желанием выпил он его,
Мысли чуть-чуть угомонились,
Больше не нужно ничего.

Он думал, что же дальше делать,
Чтоб поскорей домой уйти,
Но также, к множеству вопросов
Хотелось бы ответ найти.

– Андрей, меня послушай просто,
Я знаю все, что спросишь ты.
Могу взглядеться я в любого,
Сквозь мысли, тайны и мечты.

Поскольку ты в моих пределах
Могу сказать я про тебя,
Что душу всю открыл ты Богу,
Почти закрывшись для меня.

Но все же малую лазейку
Ты до конца закрыть не смог.
В миру есть много направлений,
Где только я один вам бог.

Ты возразить, я вижу, хочешь
На то, что я тебе сказал.
А, как же яркие фантазии,
Где ты себя с ней представлял?

Горем убитую красотку
Не ты ли грезил утешать?
Андрей сказать что-то пытался,
Но покраснел и смог лишь встать.

Он вывернут был наизнанку,
Обескуражен, удручен.
«Грешные мысли – не деянья».
В этом был твердо убежден.

– Да ты присядь, Андрей, расслабься.
Захотел не громко князь.
– Ты о таком обязан думать
Не мучаясь и не стыдясь.

От хохота кровь в жилах стыла

И ощущалась дрожь в ногах,
Как глыба камня хохотала,
А эхо вторило в горах.

В себя придя, все так же стоя
Андрей решительно сказал:
– Я каюсь, за добро, что сделал,
Жалею, что тебя спасал!

Достал перо он из кармана
И бросил Дьяволу к ноге.
– Тебе хотел вернуть потерю,
Здесь дольше быть противно мне.

Секунды пауза висела,
Открылась дверь невдалеке,
Андрей пошел, уйти решившись
И дрожи не было нигде.

– Тебя не стану я неволить,
Ты гость, коль хочешь – уходи.
Оставшись сзади наша встреча
Уже не будет впереди.

Свидание со мной, есть чудо
Из нас двоих, для одного.

Раз в тысячу лет оно возможно,
Ты хочешь упустить его?!

На ровном месте ты, раб божий
Уже немного согрешил:
Раскаялся в добром поступке,
Своей гордыне уступил.

Тебе пример привел всего лишь,
Чтобы тебя же убедить,
А ты обиделся на правду
И вот, собрался уходить.

Андрей к двери шел осторожно
С бледным, в испарине лицом.
– Хотел тебе я в благодарность
Помочь увидеть мать с отцом.

Словно стрела вонзилась в спину,
Вздвогнув, на месте он застыл,
Став на порог, как на распустье,
А сделать шаг, словно нет сил.

– Решение верное, Андрюша.
Присядь, попей граната кровь,
Мне нужен тот, кто будет слушать,

Все прояснять продолжу вновь.

И, забери перо обратно,
Может, настанет тот момент,
Чашу любых весов поднимет
Этот весомый аргумент.

Это не перья из подушки,
Частичка малая меня,
Оно не просто отвалилось,
Сделав чуть-чуть слабей меня.

Голос загадочно-приятный
В ушных мембранах загудел,
Поплыв в узорах красно-черных
Он в древнем кресле вновь сидел.

– Как все и вся, я создан Богом.
Любимцем даже его был,
Все лучшее он мне доверил,
Нести свет людям поручил.

Чтоб люди, лучший плод творений,
Познаний открывали даль,

Чтобы по совести лишь жили
И зла не ведали печаль.

Чтоб к знаниям пути открылись
Потратил я немало сил,
Ангелом света назывался
И воле Бога я служил.

Самым красивым был из всех я,
Слепил своею красотой,
Люди росли и развивались,
А Бог доволен всегда мной.

Но красота ведет к соблазнам,
Дев видом мог очаровать,
Никто был отказать не в силах,
Любое тело мог я взять.

Трудна, быстра ведь жизнь мирская,
Для смертных, маленьких людей,
Богом дана им одна радость,
С ней жить им легче, веселей.

Любя, они могли друг друга
Утехам плоти придавать,
Насытиться не мог я этим,

Я стал обманом соблазнять.

Вот так невольно и безвольно,
Людей грехами заразил,
Как липким дегтем я пороком,
Мед жизни всей испортил им.

Ведь верили мне все, как богу,
Для многих я, как бог и был,
В грехе погрязнув с головою,
Я себя богом возомнил.

Не обладая силой божьей
Я стал завидовать ему,
Заносчив был я, горд и молод,
Хотел себе все одному.

Стал клеветать на Бога людям,
Богом себя провозгласил,
Порокам алчности поддался,
На ложный путь с ними ступил.

А Бог велик не только силой,
Велик он светлой добротой,
Простил меня за грех гордыни
И не расправился со мной.

Спросил меня: «— Хочешь быть богом?
Я дам тебе шесть тысяч лет,
Чтоб ты исправил все ошибки
И вывел всех с собой на свет».

А сам, куда-то отстранился,
Меня, оставив одного,
И я с грехами заигрался,
Водою время потекло.

— И, сколько времени осталось?
Это давно произошло?
— Как время кончилось, раб божий,
Две тысячи лет уже прошло.

Тех ангелов, что мне служили,
Всех стал он демонами звать,
А имя Сатана отныне
С клеветником отождествлять.

В Тартар меж небом и землею
Поганой вымел нас метлой...
Дьявол сидит перед тобою,
А ты сидишь пред Сатаной.

Большой лишил меня он силы
И в дополненье ко всему,
Он кое-что со мною сделал,
Что не могу простить ему.

Сказал он мне перед паденьем:
«— С этой поры все будет так:
В Тартар вас бесы изгоняю,
Покуда в душах ваших мрак.

Тебя же, бывший мой любимец,
Я зазеркальем накажу,
Когда на истинный путь станешь, —
Назад дорогу покажу.

Отныне выглядеть ты будешь,
Как выглядит душа твоя,
К светлым истокам возвратиться
Пусть будет стимул для тебя».

С тех пор все делаю назло я,
Словно крупицы сею зло,
Всходы обильно поливая,
Зло стало мне, как ремесло.

У зла выносливые корни,

На любой почве прорастет,
От человека к человеку
Веками по миру идет.

Столкнуть достаточно лишь камень
Чтобы лавина вниз пошла,
В букве закона обман спрятать,
Меж строчек не заметить зла.

В банкира бес переодетый
Выжмет все соки за процент
И вот, с имуществом расстался
«Недобросовестный» клиент.

Уверен он, что был обманут,
Но банк тот, защитит закон,
Тогда обманывать решает,
Кого-нибудь теперь и он.

Кого-то, где-то обманули
И, чтобы выжить он украл,
Чтоб компенсировать пропажу
Один другому не додал.

Тот в свою очередь придумал,
Как не терять за чужой счет

И вот, теряя что-то настанет,
Кого-то третьего черед.

И так пройдя волной по Миру,
Зло вновь придет домой к тому,
Кто много лет назад подумал:
«Бог не увидит, – обману».

Все мои демоны и бесы,
Верой и правдой служат мне,
Добру, мешая продвигаться
И в светлый день и при Луне.

Сидели оба и молчали,
Хмур и задумчив Дьявол был,
Андрей сказать что-то решался,
Спустя минуту, все ж решил.

– А, может, стоит примириться,
Вновь землю светом осветить?
И красоту свою былую
Быть может, стоит вернуть?

Зачем тебе хотеть стать богом?

Ведь сам же видишь, – ты не бог.
Умерь гордыню послушанием,
Вернись ты на его порог.

– Об этом думаю порой я,
Но зло еще кипит внутри,
В Тартаре я пока останусь,
Может быть век, а может три.

Построю козни, покуражусь,
Мешать ему приятно мне,
Мозги запудрить глупой Еве,
Уж доводилось как-то мне.

Люди глупы и я им нужен...
Представь, какой была отрада,
Когда запретный плод вкусивши,
Из райского ушли вы сада.

Весь сад им отдан был на радость,
Живи, вкушай и наслаждайся,
Но одно дерево для Бога,
Только к нему не прикасайся.

Одно условие лишь было,
Только его не нарушай!

Невидимого господина
Ты почитай и уважай.

Но все плоды в саду огромном
Казались кислыми для них,
Запретный плод собой манил их
Грех, приближая каждый миг.

Казался им плодов всех слаще,
Мысли собою затмевал,
Блестел бриллиантом он на солнце,
К себе приблизиться их звал.

Но подойти, все ж не решались
И я решил им чуть помочь,
Направить их соблазн в «то» русло,
Страх пред запретом превозмочь.

Чтоб не пугать лицом красотку,
Я змеем перед ней предстал,
Шипел ей нежно прямо в ухо
О том, что час ее настал.

Ведь до того она прекрасна,
Что Бог простит ей этот грех,
Коль без одежд ее увидит,

Будет у ней пред ним успех.

Ну, и Адам, ее мужчина,
Умный, красивый, молодой,
Даже сам Бог с ним не сравнится,
Один красавец он такой.

Таким же кислым оказался
Запретный, вожделенный плод,
В итоге, – изгнаны из Рая
Адама с Евой людской род.

Захотел опять князь ночи.
– Богу назло это свершил,
Чтоб человек на лесть был падох,
Крал и обманывал, грешил.

Чтоб нарушал законы, догмы
И богател за счет других,
Звездой стремился возвышаться
Над головами остальных.

Знаешь, Андрей, ведь получилось
Для очень многих богом стать,

Мной много сделано такого,
Что Бог устанет разгребать.

Я на своем пока останусь,
За ваши души поборюсь,
С личиною своей, уж свыкся,
Хоть и показывать стыжусь.

– Скажи мне Ворон, только честно.
Разве плохого хочет Бог?
И, неужели ты при Боге
Красивым, сильным быть не мог?

– Пойми Андрей, все не так просто.
Столетия могут пройти,
Пред тем, как вы в союзе с Богом
Свернете с моего пути.

Пусть, даже я мешать не буду,
Непросто это будет вам.
Прольются реки людской крови,
Путь к счастью с горем пополам.

Чую, ты смотришь удивленно,
Пытаешься меня понять,
Но ты далек еще от цели

Масштаб проблемы осознать.

Я старше стал, и пламя злобы
Не так пылает уж во мне.
Теперь, подобно зелью в чане
Кипит на медленном огне.

Больших деяний не творю я,
Лишь козни строю иногда,
Заслуг былых с лихвой хватает,
Вялотекущая пора.

Ты успокоился, я слышу,
Умерил мыслей чехарду
И сердце твое реже бьется,
Значит, не чувствуешь беду.

Теперь взглянуть на меня можешь,
Коль только пожелаешь сам.
В тебе я чувствую желанье,
Хоть и со страхом пополам.

Не хорошо спиною к гостю
Беседу долгую вести,
Но ты вначале был взволнован,
Тебя бы начало трясти.

Медленно кресло повернулось,
Лицом предстал Андрею князь,
Заставив вздрогнуть инстинктивно
И опустить глаза стыдясь.

Лицо красивое бесспорно
Портил ужасно длинный нос,
Будто сорняк на яркой клумбе
Огромным стеблем в центре рос.

Верхней губой себя дополнив
Закрыться не давал он рту,
Словно клыки торчали зубы
И добивали красоту.

И все равно, сквозь штамп уродства
Она светила словно луч,
Давно исчезнувшего солнца
За пеленою мрачных туч.

Красивый черный волос вился,
Спадая вниз, как водопад,
Снежинками сверкала проседь

Многих столетий снегопад.

Глаза бездонные блестели
И были лишены белков
И вы невольно цепенели
От цепкости его зрачков.

Ресницы, чуть бровей касались,
Загнуты кверху и черны,
Они не тронуты остались
В облике новом Сатаны.

Слегка седые бакенбарды
Спускались, сузившись в конце,
Бородка с тонкими усами.
Была харизма в том лице.

Не по земному колоритно
Смотрелось Дьявола лицо,
Тело плащом по горло скрыто,
На пальце мощное кольцо.

Нутро все исподволь немело,
Перед величием его,
И с этим, что-либо поделать
Никто не сможет ничего.

С улыбкой или злым оскалом
Смотрел на гостя молча он
И наблюдал, как тот немеет,
И как он сильно поражен.

– Ну, как тебе мое обличие?
Тебя, наверное, тошнит?
– Да все еще не так уж плохо,
Вполне приемлемо на вид.

– Спасибо, что соврал для пользы,
Грех допустил, чтоб поддержать,
Хотя, как на меня ты глянул,
Я думал, хочешь убежать.

Андрей смущенно улыбнулся.
– Все это так, но не совсем...
Дьявол, как будто бы не слышал,
Рассказ продолжил между тем.

– Ты просто прежнего не видел,
Как солнцем красотой слепил,
Бог в лабиринтах зазеркалья

Ей быть с тех пор определил.

Не понимаешь ты, я вижу,
Что ж, попытаюсь объяснить...
– Ворон, позволь мне для начала
О важном у тебя спросить.

Андрей, внимательно послушай,
Я не всемогущ, я не Бог,
Но, кое-что и я умею,
По крайней мере, раньше мог.

Вот, недоверие унюхал
Мой вездесущий, длинный нос,
Последний раз я повторяю,
Что дам ответ на твой вопрос.

Я горд, заносчив и обидчив,
Твое неверие в меня
Шанс увидеть родные лица,
Лишь отдаляет от тебя.

Все зеркала здесь не простые,
Но среди множества зеркал

Одно есть очень не простое,
Перед паденьем Бог мне дал.

Мне выговориться захотелось
За много долгих тысяч лет.
Ты наберись, Андрей, терпением,
На все получишь ты ответ.

Дойдем до твоего вопроса,
Я дам ответ, как обещал.
Теперь слова его послушай,
Пред тем, как я в Тартар упал.

«— Когда от тьмы очистишь душу
Я вновь тебя к себе приму,
Из лабиринта зазеркалья
Назад на небо подниму.

Ты в зеркале моем увидишь
Себя, каким ты раньше был.
Как лучик светлого былого,
Чтобы совсем не позабыл.

Ты потерял души единство,
Стал алчен, зол и многолик,
Как будто в зеркалах расплылся

Твой искаженный злобой блик.

Пусть будет он твоим обличем,
Как правды постоянный знак,
Пока ты к свету не вернешься,
Пока в твоей душе лишь мрак.

Былым себя захочешь видеть,
Ты в свое зеркало взгляни,
Мое же зеркало пред этим
Ты за спиной установи.

Закрой глаза и очень быстро
Вокруг себя ты обернись, —
В своем – себя же и увидишь,
Только смотри не засмотришь».

– Зачем же мне в него смотреться,
Зачем бывшее ворошить,
Похоже, не вернусь я к свету,
Видать, с уродством буду жить.

«– Возможность есть уродство сгладить, —
Зло в мире сеять перестать
И, хоть кому-то добро сделать,
Так нос короче сможет стать.

Еще добро свершишь кому-то,
Станет еще короче нос,
В своем же зеркале проверишь.
Вот мой ответ на твой вопрос».

– И что, ты делал добро людям,
Нос укорачивал ты свой?
Смотрел хоть раз в его подарок
На прелесть красоты былой?

– Добра не делал я ни разу,
Но в зеркало смотрел разок...
Уж тысячу лет с тех пор минуло,
Как испытал я этот шок.

Теперь я стал мудрей и старше,
В силе и знаниях подрос...
Эх, злую, черную затею
К церкви на крыльях ворон нес.

Почуяв силу злого духа
С ума вороны вдруг сошли
И сбившись дружно в одну стаю,

Стеною на меня пошли.

Подозреваю, в том замешан
Наш вездесущий, добрый Бог,
Раз зло против отца Ефима
В тот день я донести не смог.

Тут, с взглядом полным возмущения,
Андрей хотел что-то сказать,
Князь вверх поднял костлявый палец,
Знак подал: «Не перебивать».

– После всего, что там случилось,
Что-то со мной произошло.
Душой холодной от злобы
Я там почувствовал тепло.

После, вернувшись в свою в башню,
Я задавал себе вопрос:
«Сумею ли добро я сделать?»
«И, станет ли короче нос?»

Ведь столько зла уже я сделал,
Столько назло ему творил,
Стоит ли к Богу возвращаться...
Я бы такое не простил.

Как лучше Бог хотел когда-то,
Я все испортил, как всегда,
Он гнев сдержать не смог, ошибся...
Сквозь пальцы утекла вода.

Детей своих, людей любимых
Из-под контроля упустил,
Семью единую, большую
Из сада выгнав, распустил.

Рассыпались они горохом
Во все четыре стороны,
Пустили корни, где попало,
Жили недолго без войны.

Собрать их вновь в семью большую
Огромных станется трудов,
Уж больно много разной власти,
А внутри власти дураков.

Я спровоцировал изгнание
Из сада райского людей
Гнев Божий все вы ощутили
И это плод моих идей.

Это далось ему не просто,
Я знаю, – он переживал,
Мне этого и было надо,
Я так хотел, чтоб он страдал.

Вернуть людей хотел, но поздно.
Семьей не стать им никогда,
Рассыпался народ по свету,
Возникли страны, города.

Все началось с разноглосья,
С разных подходов к одному,
Сбиваться в общество все стали
И подчиняться одному.

Национальности прилипли
Подобно штампам всем на лбы,
Возникла неприязнь к другому,
Из семя выросли плоды.

Вот тут-то я повеселился.
Алчности, злобы семена
Я пригоршнями сеял в землю
И прорастала в них война.

Ее плодами упивался

От крови рек вкушая сласть.
Войной племянники на дядю
Ходили, добывая власть.

Чужие грабили селения,
Чтоб, не трудясь разбогатеть,
Сундук добром переполнялся,
Без меры жить, – значит жиреть.

Возникли страны и границы
И армии, чтоб их стеречь
В невежестве мне поклонялись,
О Боге даже не шла речь.

Деньгами, золотом, богатством,
Я властьюмущим взор затмил,
Каждый завидовал соседу,
К новой войне мечи точил.

Но главной моей заслугой,
Помимо наций и границ
Считаю множество религий,
Много имен и много лиц.

Бога я сделал многоликим,
За зазеркалье отомстив,

Простить меня, пойти навстречу
Пусть будет у него мотив.

Один его зовет Иисусом,
А для другого он Аллах
И каждый со своею верой
И в помыслах и на устах.

Не поняли простого люди,
Что Бог для всех и вся един,
Даже на почве в него веры
Я вбил меж ними острый клин.

Кривой улыбкой улыбнулся,
Перстень на пальце прокрутив,
Искал в Андрее понимание,
Но тот был хмур и молчалив.

– Ну, что молчишь, меня не хвалишь?
Люблю я похвалы и лесть,
Я хвастаю своим коварством,
Ведь через вас творю я месть.

– Нет, князь, хвалить тебя не стану,

Ты много злого сотворил,
Или похож я на Иуду,
Что ты сие предположил?

Иуда – это та же крыса,
Что побежала с корабля...
– Серебряник в руке – синица,
Нужнее в небе журавля.

Ты вот, собрался не на шутку
Всю жизнь религии служить,
Я ведь ее для вас придумал,
Чтобы для войн вас всех сплотить.

– Религия нам помогала
В войнах с врагами устоять...
– Попы веками не гнушались
Войны грабеж благословлять.

– Не верю, не было такого,
Ты про грабеж назло мне лжешь...
– Ты, как с Луны вчера свалился,
Война – это всегда грабеж.

– Это война, и для защиты
Церковь сплотиться помогла,

Ведь вера всех объединяет,
Звали на бой колокола.

– Одних позвали для защиты,
Других позвали нападать...
Главное – сбылись мои планы
И люди стали воевать.

Людей рубили штабелями
И своей веры и другой,
Неверных люто ненавидя,
Сработал четко тут план мой.

Противно было это слушать,
Он думал: «Что же ворон нес?»
И так, совсем непроизвольно,
Буквально выкрикнул вопрос.

Ты приносил зло для Ефима?!
А я тебя еще спасал!
Добрее нет ведь человека,
За что же ты к нему пристал?

– Заплачу я от звуков арфы!

Ты, как небесный херувим,
Заладил на слезливой ноте:
Отец Ефим, отец Ефим!

Вот потому и прилетал я,
Построить козни против вас,
Что много там добра и света,
Все очернить там пробил час.

Не паникуй, все отменилось.
Не брал я воронье в расчет,
Хоть и нажил немалый опыт,
Все же случился недочет.

Похоже, Бог тут приложился,
Крестом Ефима защитил.
Все так естественно подстроил,
Чтоб нос комар не подточил.

Меня бы птицы разорвали,
Ты очень кстати подошел.
Хоть дух мой ты душой почуял,
Но все ж остался, не ушел.

Не сожалей о добром деле,
Я б только птицу потерял.

С ней бы я умер на неделю,
А после только злее стал.

Был бы потерян черный ворон
На триста очень долгих лет,
Потом и он бы возродился,
Нечистой силе смерти нет.

Смерти нет в вашем понимании,
Живем мы много тысяч лет,
Ведь князем, кто-то до меня был,
А кто, не знаю я ответ.

Самый любимый мной тот ворон,
Есть еще конь, змея и кот
И все черны подобно ночи,
В каждом по демону живет.

И успокоившись немного
Андрей смотрел по сторонам,
Метался бликом многоликим
Князь по старинным зеркалам.

Ему хотелось знать, что ворон

Против Ефима замышлял
И, как помочь отцу Ефиму
Он напряженно размышлял.

Князь будто мысли его видел
И продолжал повествовать,
Андрей внимательно стал слушать,
Чтоб ничего не упустить.

– Довольно непростая схема,
Сейчас тебе я расскажу,
Есть зеркало для этих целей,
Его я позже покажу.

Многоходовая задумка.
Поверь, что это не пустяк,
Буквально вся прошла по нотам,
Но что-то вдруг пошло не так...

– Прошу тебя не тронь Ефима,
Люблю его я, как отца!
Ты отступись от своих планов,
Не будь им верен до конца.

Он самый честный, очень добрый,
Как можно зла ему желать?!

Скажи мне, что же ты задумал?
Прошу тебя, я должен знать!

– Только, Андрей, не забывайся.
Где я, – коварство, зло и смерть.
Сидишь ты перед Сатаной,
Не забывай об этом впредь!

Что ж хорошо, желаешь – слушай.
Я потому и прилетал,
Что Богу он служил отменно,
Свет и добро распространял.

Есть те, к кому я не летаю,
Их церкви – с ценником ларьки,
Попы там с бесами гуляют
И пополняют кошельки.

Ефим насколько вам хороший,
Настолько для меня плохой.
Он в Мир несет законы Бога...
Ну, одним словом враг он мой.

Свое коварство через даму

Задумал я осуществлять.
Пред великой красотою
Мало кто может устоять.

Близки твои догадки к цели,
Я о той даме говорю.
Пред ней упавши на колени,
Любой будет шептать: «Люблю...»

Таких знавал я много в Мире.
Просто чертовски хороша.
Она сама об этом знает,
И тем слаба ее душа.

В миру зовется Валентина,
Отроду сорок пятый год,
До моих козней жила с сыном,
Теперь уже одна живет.

Кровь закипела от догадки,
Глаза полезли за предел,
А Сатана с улыбкой зверской
Зрачками внутрь ему глядел.

– Только давай без сантиментов,
Ты же не с неба Серафим,

С такой кривой, дурацкой дудкой
И остальные еже с ним.

Мирянин ты из плоти, крови,
Видел и горе и обман...
Ну вот, глаза назад вернулись.
Готов ты дальше слушать план?

– Конечно князь, готов дослушать.
Мне пауза была нужна.
В беседе, будто с человеком
Забыл я, что ты Сатана.

Дьявол чуть-чуть глаза прищурил,
Губа в улыбке поползла
– Над каждым словом дольше думай,
Не то не оберёшься зла.

Перечислял немало качеств,
Еще я вспыльчив и умен.
Лишь интонацией, не словом
Могу внезапно быть взбешен.

Даже не знаю когда снова
Я нрав звериный покажу.
Так что, Андрей, остерегайся...

Хотя, я быстро отхожу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.